

Anna Warda

 <https://orcid.org/0000-0003-0095-0199>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej

90-226 Łódź, ul. Pomorska 171/173

anna.warda@uni.lodz.pl

<https://doi.org/10.18778/8220-520-6.10>

О ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА НАД СВОИМ ТВОРЧЕСТВОМ

About G.R. Derzhavin's poetic reflection on his creativity

O refleksji poetyckiej G.R. Dierżawina nad swoją twórczością

Резюме

Статья посвящена анализу трех стихотворений Г.Р. Державина: *Мой истукан* (1794), *Памятник* (1796) и *Приношение Монархине* (1795) с точки зрения содержащейся в них рефлексии поэта над своим творчеством и его посмертной судьбой. Державин во всех этих произведениях подчеркивает значение написанной им в 1782 г. оды *Фелица* и того, что его имя будет известно другим поколениям именно благодаря этому произведению и его героине – Фелице, то есть Екатерине II. Следует подчеркнуть также то, что поэт смотрит на себя и свою прижизненную и посмертную славу со стороны, хотя он вполне осознает свой талант и уровень своих произведений.

Summary

The article is devoted to the analysis of three poems by G. R. Derzhavin: *My Idol* (1794), *Monument* (1796) and *The Offering to the Monarchine* (1795) from the point of view of the reflection on artist's work and fate after his death. In all these works, Derzhavin emphasizes the importance of *Felitsa*, his ode of 1782, and that his name would be known to other generations thanks to this work and its heroine, Felitsa, that is, Catherine II. It is also worth emphasizing that the poet looks at his work, his life, and posthumous fame from some perspective, although he is conscious of his talent and the level of his works.

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie trzech wierszy G.R. Dierżawina: *Mój idol* (1794), *Monument* (1796) i *Hold dla Monarchini* (1795) z punktu widzenia refleksji nad jego twórczością i jego losami po śmierci poety. Dierżawin we wszystkich tych dziełach podkreśla wagę ody *Felica* napisanej przez niego w 1782 r. oraz fakt, że jego imię będzie znane innym pokoleniom właśnie dzięki temu utworowi i jego bohaterce – Felicy, czyli Katarzynie II. Trzeba też podkreślić, że poeta patrzy na siebie i swoje życie i pośmiertną chwałę z pewnego dystansu, choć w pełni zdaje sobie sprawę ze swojego talentu i poziomu artystycznego swoich dzieł.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, русская поэзия XVIII в., Екатерина II, *Фелица*, *Мой истукан*, *Памятник*, *Приношение Монархине*.

Keywords: G.R. Derzhavin, 18th-century Russian poetry, Catherine II, *Felitsa*, *My Idol*, *Monument*, *Offering to the Monarchine*.

Słowa kluczowe: G.R. Dierżawin, poezja rosyjska XVIII w., Katarzyna II, *Felica*, *Mój idol*, *Monument*, *Hold dla Monarchini*.

Среди многочисленного поэтического наследия Гавриила Державина можно найти стихотворения, которые подводят итог творческим достижениям поэта. Хотя они были созданы Державиным за более чем двадцать лет до его смерти – в 1816 г., все-таки сам автор осознавал, что бессмертие ему обеспечила ода *Фелица* (1782), с которой в действительности началась его слава и общеизвестность.

Первое из них – это стихотворение *Мой истукан*, написанное в 1794 г., второе – *Памятник* (1796), третье – *Приношение Монархине* (1795) (*Сочинения*, 1864, 715–717). Все эти произведения являются поэтическим итогом творческого пути поэта, при этом в первом из них было отражено широкое семантическое поле лексемы «памятник», охватывающее, с одной стороны, запечатление данного события в повествовательной форме, с другой – в форме скульптурной (Гольбурт, 2006, 51–68).

Непосредственным поводом возникновения *Моего истукана* было создание в 1794 г. известным французским скульптором Антуаном-Жак-Жан-Домиником Рашеттом (1744–1809) мраморного бюста поэта. Произведение Державина было впервые опубликовано в собрании его стихотворений в 1798 г., а затем – в 1808 г.

Стихотворение *Мой истукан* написано нетипичной для оды десятистрочной строфой, характерной для частного письма. Адресатом является автор скульптуры. В начале произведения лирическое «я» с радостью общается, что заказанный у Рашетта бюст уже готов. После этого он начинает автоиронические рассуждения о том, действительно ли он его заслужил. Так, он замечает, что даже скульптура царя, у которого нет значительных до-

стижений, не представляет никакой ценности: «Без славных дел, гремящих в мире, // Ничто и царь в своем кумире». Затем он утверждает, что даже обыкновенный человек благодаря своим добрым или плохим делам может стать известным. И в одном, и во втором случае его имя будет известно повсюду. Однако, он сам решительно заявляет, что его интересует только слава, которая является результатом добрых дел, подчеркивая тем самым этические основания оценки людей после смерти. Лирическое «я» далее говорит о настоящих, по его мнению, героях, которые заслужили почет и уважение и потому им были созданы бюсты. Это Петр I, его отец Алексей Михайлович и дед Михаил Федорович, Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, которые внесли значительный вклад в освобождение Москвы от поляков, Филарет – Федор Никитич – отец царя Михаила Федоровича, которого 9 лет мучили поляки за то, что он не согласился, чтобы на московский трон сел сын польского короля (который не перешел в православие), а также князь Яков Федорович Долгоруков, один из ближайших сподвижников Петра I, известный своей открытостью и неподкупностью.

Лирическое «я» утверждает, что в отличие от них, у него нет таких заслуг, и с иронией пишет, что его дети будут когда-нибудь смеяться над «дурной, лысой обезьяной» (Державин, 1957, 203). Он просит художника, чтобы тот разбил свое творение, но, принимая во внимание труд, который тот вложил в его создание, решает все-таки задуматься над тем, что в его прежней жизни могло заслуживать награды. Итак, единственное, что он находит, – это увековечивание божественных добродетелей Фелицы. Одновременно он заверяет, что такой царицы, как Фелица, у русских уже больше не будет. Лирическое «я» называет также истинное имя прославляемой им царицы – Екатерина, а также выражает надежду на то, что вопреки тем, кто завидует его славе, его бюст будет поставлен в Колоннаде дворца в Царском Селе, называемой Камероновой галереей по имени ее основателя, придворного архитектора – Шарля Камерона (1743–1812), приехавшего в Россию из Англии. Колоннада была построена в 1783 г. и состояла из жилых помещений и галереи, вдоль которой были расположены сделанные из бронзы (по античному образцу) бюсты и скульптуры известных мужей. В галерею, расположенную над комнатами, из сада вела широкая лестница, вдоль которой стояли статуи Геркулеса и Флоры. В своих *Объяснениях* Державин пишет, что в Царском Селе среди скульптур известных людей стоял бюст М. Ломоносова. Выставлен он был «ради шутки», согласно шутливой просьбе ученого и писателя (Lichaczow, 1991, 122–123). По мнению лирического «я», этот факт уполномочивает также и его поставить там свой бюст: «... то и автор со временем думал иметь на то право» (там же, 648). Это утверждение, как и многие другие, находящиеся в *Объяснениях* Державина к своим произведениям, имеет двусмысленный характер. С одной стороны, оно может свидетельствовать о том, что у поэта есть чувство собственного достоинства,

с другой, – может быть выражением дистанцированности от самого себя и своего творчества (Гольбурт, 2006, 57).

Лирическое «я» отдает себе отчет в том, что времена и вкусы меняются и в связи с этим может случиться, что его бюст будет снят с известного места. Это аллюзия на то, что случилось во Франции во время французской революции, а также на ситуации в России (Павел, которого Екатерина не допустила к власти, был враждебно настроен к матери и ее действиям). Опасения Державина оказались верными, поскольку после прихода к власти Павел действительно приказал убрать с Колоннады все бюсты императрицы. Эти мысли побуждают героя обратиться к Рашетту с просьбой разбить его бюст. Однако, после недолгих размышлений он меняет своё решение и приходит к выводу, что разбить его бюст сможет лишь такой поэт, который будет талантливее его. Таким образом, лирическое «я» показывает превосходство поэтического искусства над менее прочным прикладным искусством (там же, 57).

После раздумий о славе лирический герой меняет тему и переходит к вопросам, связанным с Россией. Он утверждает, что доволен благополучием своей страны и просит небо, чтобы было больше таких людей, как Фелица, которые в дальнейшем поведут Россию к совершенству. Он обращается также к словам царицы о планах вытеснить турок из Европы, установить торговые отношения с Индией и завоевать превосходство над Китаем (*Сочинения*, 1866, 649).

Стихотворение заканчивается обращением к первой жене поэта¹, чтобы та убрала его бюст из публичного места и поставила его рядом со своим, дома у зеркала:

Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав,
Что слава, счастье нам прямое –
Жить с нашей совестью в покое.
(Державин, 1957, 206).

Пользуясь метафорой зеркала, которое отражает предметы, автор хотел показать, что как он сам, так и его жена являются людьми законопослушными и одновременно скромными. Кроме того, они не нуждаются в известности, как большинство людей из их окружения.

¹ Ее бюст был сделан по заказу вместе с бюстом Державина и находился в одной из комнат их дома. Первая жена Державина умерла 15 июля 1794 г. Из этого следует, что стихотворение было написано в первой половине этого года, еще при ее жизни.

Следующим стихотворением Державина, обобщающим и одновременно увековечивающим его литературное творчество, является *Памятник*. В *Объяснениях* к своим стихотворениям поэт раскрыл, что он написал его в Санкт-Петербурге в 1796 г., а опубликовал впервые в 1798 г. (*Сочинения*, 1866, 656). Хотя в 1795 г., т.е. годом ранее, в седьмой части (с. 147–148) журнала «Приятное и полезное препровождение времени» появилась другая версия этого стихотворения с заглавием *К Музе. Подражание Горацию* («Приятное...», 147–148). Различия можно заметить в строках: 3, 11, 17, 18 и 20. Они связаны с другим порядком слов, синонимами и несколько другим звучанием строк, принципиально не меняющим самого характера стихотворения. Мы можем догадываться, что Державин не упомянул в *Объяснениях* к своим произведениям о более раннем варианте названного текста, поскольку не считал его окончательным.

Прообразом *Памятника* была 30 ода Горация из книги III (23 г. до н.э.), начинающаяся словами: «Eregi monumentum aere perennius ...». На русский язык ее перевел в 1747 г. М. Ломоносов (Гольбурт, 54–55) и опубликовал годом позже в своей *Риторике*. В собрании Державина эта ода является эпилогом в томах его стихотворений 1798 г. и 1808 г., у Горация же она завершает три книги, в которые включены оды². 30 ода Горация часто переводилась поэтами³, однако ее самые творческие и оригинальные переводы принадлежат Ломоносову, Державину и А. Пушкину. Державин создавал свой текст, вероятнее всего, пользуясь не оригиналом, а переводом, сделанным его другом В. Капнистом (*Сочинения*, 1864, 786).

В стихотворении *Памятник* Державин выражает чувство собственного достоинства, которое он пробовал также вербализовать в оде *Видение мурзы* (1791) (Клейн, 2004, 148–169). Однако лишь в этом первом его произведении оно прозвучало наиболее убедительно и выразительно. Так, автор без излишнего высокомерия, но также и без притворной скромности, с отчетливым отношением к фактам своей биографии («Как из безвестности я тем известным стал, // Что первый я дерзнул в забавном Русском слоге // О добродетелях Фелицы возгласить») отважно и вполне осознанно оценивает свое творчество, а, точнее, его значимость. Использование для этой цели оды Горация не кажется случайным, поскольку в то время Гораций играл значительную роль во всех европейских литературах. Перевод Державина

² Четвертая книга была написана Горацием много времени спустя.

³ М. пр. В. Капнистом, Г. Державиным, К. Батюшковым, А. Пушкиным, В. Брюсовым, А. Фетом, А. Семеновым Тянь-Шанским, А. Востоковым, Н. Фокковым, Б. Никольским, Н. Шатерниковым, И. Голосовкером, С. Шервинским. Ср. статью на эту тему: Л.А. Мусорина, *Расхождения с оригиналом в переводах XXX Оды Горация, выполненных с академической целью*, Новосибирск 2001, 15–20.

в сравнении с переводом Ломоносова достаточно свободный и творческий, более того, он сам стал образцом для произведений других авторов. По мнению В. Белинского (Белинский, 1948, 146), Державин оригинально выразил мысль Горация о том, что его оценят последующие поколения. Можно утверждать без всяких сомнений, что оба поэта создали два независимых друг от друга ценных произведения.

Державин, когда пишет о своем литературном бессмертии, объясняет, что слава после его смерти будет еще больше, чем при жизни. Он также убежден в том, что о нем услышат все живущие на огромной территории России («...от Белых вод до Черных, // Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал»), что его слава выйдет за пределы страны («Всяк будет помнить то в народах неисчетных»). Все это произойдет благодаря тому, что он прославил Фелицу в шутивном стиле («... в забавном Русском слоге»). В своих *Объяснениях* к этому фрагменту *Памятника* он написал: «Автор из всех российских писателей был первый, который в простом забавном легком слоге писал лирические песни и шутя прославлял императрицу, чем и стал известен» (*Сочинения*, 1866, 656). Это высказывание свидетельствует о том, что ее автор отстраненно смотрел на неожиданную известность, которую ему принесло произведение, посвященное Фелице.

Здесь следует обратить внимание на определенную аналогию, касающуюся творческой манеры Горация и Державина. Гораций, как известно, в отличие от своих предшественников – римских, греческих сатириков, писал о проблемах морали, используя тонкую издевку и добрую шутку, и, в отличие от них, без язвительности и гнева разоблачал человеческие слабости и недостатки. Подобную манеру в русскую литературу ввел Державин и прокомментировал это следующим образом:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
 О добродетелях Фелицы возгласить,
 В сердечной простоте беседовать о Боге
 И истину царям с улыбкой говорить.
 (Державин, 1947, 157)

Обратим внимание на двусмысленный характер строки: «В сердечной простоте беседовать о Боге», которую мы можем относить как к Фелице, отождествляемой поэтом с богиней, а также к оде *Бог* (1784), которая еще при жизни поэта обеспечила ему славу и известность за границами России (Клейн, 2004б, 126). Неслучайно, впрочем, сам поэт вспоминает в своих *Записках*, что оду *Бог* все хвалят (*Сочинения*, 1871, 402). Доказательством ее огромной популярности является ее перевод на все европейские языки (на французский язык была переведена 18 раз, на немецкий – 9) (там же, 123).

Существенное значение для нашего анализа имеет строка: «И истину царям с улыбкой говорить», которая подтверждает наши наблюдения, что похвалы в адрес Екатерины – Фелицы сопровождаются критическими высказываниями, введенные в текст автором с помощью персифляжа, иронии, комизма.

Заканчивая эту мысль, в апострофе к Музе поэт снова отходит от оригинала Горация и вводит высказывание, которое имеет личный характер: «И презрит кто тебя, сама тех презирай». Принимая во внимание критику, с которой Державин встретился после публикации *Фелицы*, а также зависть, вызванную почестями, которых он был удостоен от Екатерины II, мы видим, что поэт по отношению к ним избрал рациональную позицию.

Очередным по хронологии произведением Державина, в котором благодаря стихотворениям, посвященным Фелице, появляются размышления поэта о бессмертии, является стихотворение *Приношение Монархине* (1795) (*Сочинения*, 1864, 715–717). Впервые без заглавия оно было помещено в рукописном собрании, подаренном императрице 6 ноября 1795 г., и начиналось обращением: «Монархиня!». Название появилось в издании произведений поэта в 1798 г.

Лирический герой обращается к монархине в высоком патетическом стиле, используя образы и мотивы из *Сказки о царевиче Хлоре* (1781) Екатерины II. Говоря о Фелице, лирическое «я» сакрализует ее, сравнивает с Богом и истиной. Говорит также, что он, поскольку питает к ней огромное уважение, написал произведение для правительницы и трактует его как форму жертвы, преподнесенной Богу. Прося ее принять, он обращается за поддержкой для своей музыки и за тем, чтобы императрица была щитом, который защищает его от клеветы. Принимая во внимание обвинения, с которыми поэт встретился после публикации произведений, посвященных Екатерине, можно предположить, что также и с этим посвящением Державин принимал в расчет нападки со стороны литературной среды и придворных вельмож. Хвала Фелице, субъект высказывания называет также ее черты: небесную улыбку, доброжелательность, благосклонность, которые, как мы помним, появлялись уже в ранее созданных произведениях, посвященных правительнице.

Лирический субъект говорит, что его муза радуется и одновременно проявляет бдительность, заранее сообщая об очередных произведениях во славу Фелице. Поэт обращается также к своему *Памятнику* и пророчески пишет, что хотя его не будет уже в живых («И алчный червь когда, меж гробовых обломков, // Оставший будет прах костей моих глотать») и забыт будет род Багрима⁴, а также не останется следа от его дома, однако, благодаря

⁴ Державин намекает на свое происхождение от мурзы Багрима, который выехал из Золотой Орды при Василии Темном. См.: *Сочинения Державина...*, т. 1, 716.

поэзии, посвященной Фелице, его имя останется бессмертным («Ты славою, – твоим я эхом буду жить»).

Свое произведение Державин заканчивает двустишием, являющимся своего рода продолжением мысли о бессмертии как великих людей, так и воспевающих их поэтов, которая прозвучала в его *Памятнике*:

Героев и певцов вселенна не забудет;
В могиле буду я, но буду говорить.
(*Сочинения*, 1864, 716)

Как замечает Я. Грот, вышеприведенное двустишие в рукописи было дополнено строчками, которые звучали:

Ты истинной хвалы в царях была достойна.
Вспомнит о тебе, как о Траяне, свет.
(*Сочинения*, 1864, 716)

После них появились еще слова Тацита: «О времен (sic!) редкого благополучия, когда не воспрещалось мыслить и, что мыслишь, говорить свободно» (*Сочинения*, 1864, 717), которые стали эпитафией к первому тому собрания произведений Державина 1808 г. Как двустишие, относящееся к Екатерине и ее славе, так и цитата из Тацита свидетельствуют о том, что для поэта было важно доставить удовольствие императрице. В свою очередь отказ от этих частей в печатной версии и одновременно отсутствие информации об этом стихотворении в «Комментариях» Державина подтверждают, что для поэта как здесь, так и в *Памятнике* самым важным была пророческая идея бессмертия и чувство ценности своей поэзии.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что Гавриил Державин вполне осознавал значение своего поэтического таланта и верил, что его произведения даже после его смерти будут известны следующим поколениям. Одновременно он хорошо понимал, что истинную славу ему принесли произведения, посвященные императрице. Однако, как в знаменитой *Фелице*, так и приведенных в данной статье стихотворениях он умел подойти к оценке своего творчества и самого себя с юмором, автоиронией, одновременно осознавая свой талант и понимая своё значение как человека и писателя.

Библиография

- Белинский, В.Г. (1948). *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 2. Ф.М. Головешченко (ред.). Москва: ОГИЗ Гослитиздат.
- Гольбурт, Л. (2006). *О чем свидетельствуют памятники? В: История и повествование. Сборник статей*. Москва: НЛО.

- Державин, Г.Р. (1947). *Стихотворения*, Г.А. Гуковский. (ред.). Санкт-Петербург: Советский Писатель.
- Державин, Г.Р. (1957). *Полное собрание стихотворений*. Санкт-Петербург: Советский Писатель.
- Клейн, И. (2004а). *Поэт-самохвал: „Памятник” Державина и статус поэта в России XVIII века*. Новое литературное обозрение, № 65.
- Клейн, Й. (2004б). *Религия и Просвещение в XVIII веке: Ода Державина «Бог»*. XVIII век. Сб. 23. Санкт-Петербург.
- „Приятное и полезное препровождение времени”. Ч. 7. Москва 1795.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота* (1864). Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота* (1866). Т. 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота* (1871). Т. 6. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Lichaczow, D. (1991). *Poezja ogrodów. O semantyce stylów ogrodowo-parkowych*, tłum. K. Sakowicz. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.